

„Северянка“ Евг. Беркутов

Маленькая, но любовно и со вкусом оформленная книжка стихов Александра Яшина «Северянка» является в какой-то степени зеркалом всех недостатков, присущих нашей поэтической молодежи. Перелистывая эту книжку, более или менее квалифицированный читатель с чувством неприятного недоумения сталкивается с уже знакомыми ему мотивами. Память невольно возвращает его к поэтическим образам Багрицкого, Пастернака, Прокофьева. Поэтому строки Яшина:

И каждый раз сквозь визг и стон,
Чужие запахи и звуки
Ко мне в овраг со всех сторон
Друзья протягивали руки (стр. 53).

приобретают не только тот смысл, который хотел бы придать поэт, но и звучат иронически, определяя всю несамостоятельность автора, его зависимость от уже известных в поэзии образцов.

Они врываются в стихи молодого поэта, не обладающего ни высокой культурой, ни собственным поэтическим голосом, часто незаметно для него. Желая быть искренним, он остается в кругу привычных и перепетых тем.

Это в равной мере относится к его песням и стихотворным циклам. Так, например, «Выздоровление» по всей своей образной системе, по самому ритму стиха является точным сколком со «Смерти пионерки» Багрицкого или, вернее сказать, бледной копией, выполненной робкой рукой неопытного ученика. Несмотря на тематическое сходство и полное совпадение поэтического словаря, сопоставление этих двух стихотворений убеждает читателя в недостаточной глубине чувств молодого поэта. Большой художник, Багрицкий, усложняя свою тему глубоко трагической ситуацией, достигает вершин философской мысли: жизнь побеждает смерть. Позамысливая у Багрицкого все внешние приемы творчества, Яшин обедняет тему. То, что у Багрицкого звучит как вдохновенный гимн жизни, у Яшина имеет значение лишь повода для малозначительных и вялых стихов...

Александр ЯШИН. — Северянка. Стихи. М. Гослитиздат. 1938. Стр. 69. Тираж 3 000. Ц. 2 руб.

Влияние Багрицкого сказывается и в других произведениях Яшина. На примере стихотворения «Дружба», вызывающего в памяти «Происхождение» Багрицкого, становится ясным, что беда заключается не только в общности метафорических построений. Дело не только в «космическом» подступе к теме:

Мир опрокидывался. Рос
Бредовый хаос.
В черном небе
Мегались стаи синих звезд.
Дымился Млечный путь,
Выл Пес.
Плясал Дельфин.
Кружился Лебедь.

В этом бессмысленном и поистине хаотическом нагромождении метафор, эпитетов и метонимий, как в кривом зеркале, искажаются прекрасные стихи Багрицкого:

Качнулся мир.
Звезда споткнулась в беге
И заплескалась в голубом тазу...

и т. д.

И дело даже не в том, что у обоих поэтов из крана капает вода и наблюдается какое-то сходство в окружении, с той только разницей, что у Багрицкого «над колыбелью ржавые евреи косых бород скрестили лезвия», а к Яшину «из всех углов в лучах косых, раскинув страшные усы, ползли седые (?) тараканы».

Суть этой общности в сходстве внутреннего смысла, настроений, самой направленности стиха.

При всем этом Яшин никак не может быть назван последовательным продолжателем Багрицкого. Яшина привлекает в Багрицком яркая, поражающая необычность некоторых его образов, призрачных впечатлений еврейского предмета. Уродливые образы детства, сохранившиеся в памяти Багрицкого, отложились в «Происхождении» причудливостью «щебечущих коней», «пляшущих деревьев», смещением предметов, пересечением косых людских теней. Своеобразие этих образов понадобилось Багрицкому для того, чтобы показать всю уродливость этого быта, изломанность своего детства, где «все навыворот, все как не надо».

Яшин воспринял чисто внешне эту глубоко индивидуальную особенность автобиографических стихов Багрицкого и механически перенес ее в свой мир — мир природы, где «густые дозревали ржи, плоды с деревьев осыпались». Поэтому то, что у Багрицкого звучало как внутренне оправданное, органическое, — у Яшина приобрело характер простой бессмыслицы. Неудача подобного же рода постигла бы художника, попытавшегося изобразить северную деревню, пользуясь манерой, например, Марка Шагала.

Настроения, органически присущие Пастернаку, также находят иногда свое неожиданное проявление в творчестве Яшина:

Сесть за стол
Да развести чернила
И писать, как слезы лить. («Письма к Елене»)

Не обладая достаточно богатой палитрой, Яшин заимствует изобразительные поэтические средства у своих «друзей»; здесь он, по существу, переписывает начало стихотворения Пастернака «Февраль» — «Достать чернил и плакать», но уже бледными чернилами, разбавленными собственными слезами. Нужно ли приводить все многочисленные примеры, свидетельствующие о влиянии, которое оказывают на Яшина ленинградские поэты, обратившиеся к тематике Севера? Читатель поверит нам на слово.

Здесь можно лишь заметить, что в тех случаях, когда Яшин стремится обнаружить свою самобытность и оригинальность на материале хорошо знакомой ему жизни Северного края, он не идет дальше внешнего использования краевых особенностей речи, местного говора. Не проникая в самую суть народных мыслей и чувств, отложившихся в фольклоре, он ограничивается в передаче местного колорита использованием чисто типографских средств. Таковы многочисленные «ё» или указания автора к отдельным стихотворениям: «при чтении акцентировать на «о» или: «при чтении акцентировать на «в» (стихотворение «На новый год») и не без гордости добавляет: «звука «ф» нет во всем стихотворении».

Горький неоднократно призывал писателей учиться у безымянных авторов народного творчества их мудрой простоте, глубокой жизненной правде и врожденному чувству оптимизма. Но в то же время особенности поэтического народного творчества, выработанные многовековой коллективной культурой, должны войти в творческий мир поэта, каждый раз преломленные через его собственное восприятие.

Н. Асеев как-то писал о Яшине («Октябрь», 1937. № 3), что у него чуткое ухо, улавливающее окружающий говор, что для него характерно знание родной речи — ее особенностей и специфики. Больше того, он говорил, что игра словом у Яшина — безвредна, так как тематика у него «советско-народная» (?).

Нет сомнения, А. Яшин хорошо знает особенности родного говора. Но здесь необходимо указать, что эти особенности не стали для него подлинным средством поэтической выразительности. Приемы народного творчества, оторванные от всей системы образных представлений о мире, — то есть от своей «почвы», не сохранили к тому же и те черты, которые придавали им характер «арсенала» народного искусства. Они вошли в стихи Яшина как элемент назойливой стилизации.

Яшин обедняет художественную убедительность и силу народного творчества. И в самом деле, могут ли такие, просто неудобочитаемые стихи:

Пусть взойдет наше горе черной чернобылью,
Черной чернобылью, горькою полыню

служить выражением чувств женщины, потерявшей мужа? («Вдова»). Выразительности стиха не способствуют и обильные вдовьи слезы, которые на все лады варьирует и воспекает поэт. Это стихотворение характерно еще и потому, что поэт, начав здесь с канонической в фольклоре формы народного плача, механически

завершает его неубедительными словами стандартного оптимизма. До тех пор, пока Яшин не вырвется из плена трафаретного подхода к теме, он не сумеет достигнуть подлинно художественной выразительности. На каждом шагу мы убеждаемся, что жизнь проявляется в литературе именно там, где конфликты преодолеваются, а не смазываются и затушевываются.

В своих четырех песнях, помещенных в книгу, Яшин пытается нащупать свободную песенную интонацию, ритмически оживити стихи.

Пожалуй, именно здесь лучше всего сказалось его близкое знание народной песни, наиболее удачно использование образов народной поэзии («Летчик Василий»). Но и тут попадаются плохие маловыразительные строфы. Так, например, в песне «Четыре брата» об одном из этих братьев рассказывается:

Для Советской власти
Первому давно
Тракторные части
Отливать дано.

Не говоря уже о том, что это далеко от художественного, поэтического отображения, — такие стихи мало пригодны, трудны для песенного исполнения.

Книжка Яшина, в которой нашли свое проявление недостатки многих молодых поэтов, в то же время говорит о том, что ее автор не нашел еще своей большой центральной темы, не определился в своих поэтических устремлениях.

Однако, когда поэт пытается освободиться от внешних влияний и говорит своим простым языком, мы улавливаем в его стихах искреннее неподдельное чувство и темперамент. К таким произведениям следует отнести отдельные стихи из цикла «Письма к Елене», стихотворения «Снег» и «Коса». Они должны послужить ориентирами в дальнейшем творчестве Яшина. Не потому, что они обладают какими-то особенными художественными достоинствами, но потому, что выражают собственное волнение поэта.